

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИКРОБ

Кир Булычев

Великий Гусяр, том 2

Космические пришельцы начали появляться в городе с 1967 года. С этой поры классик отечественной фантастики Кир Булычев (1934–2003) стал вести летопись Великого Гусяра — маленького городка, расположенного где-то «между Архангельском, Устюгом и Вологодой». Великий Гусяр легко ужился с инопланетянами, можно сказать, справился с ними, как легко справляется российская провинция со всякого рода умниками и прогрессорами. Достоверность рассказов Кира Булычева не вызывает сомнений у каждого, кто читал Салтыкова-Щедрина, Платонова, Шекли и Каттнера. А те, кто таких не читал, кто считает лихим сюжетом примитивную стрелялку и не ведает существа оригинальнее вампира, откроют в летописи Великого Гусяра большой мир настоящей фантастики — умной, увлекательной, изобретательной, язвительной и очень смешной.

В эту книгу вошли повести и рассказы о Великом Гусяре, написанные с конца 1970-х до середины 1990-х годов. Полностью цикл произведений Кира Булычева о Великом Гусяре, писавшийся в течение 35 лет, составляет три тома.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ МИКРОБ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Корнелий Удалов получает приглашение на СОС и принимает решение

Утренняя почта доставила Корнелию Ивановичу Удалову авиаконверт, в котором было письмо следующего содержания:

Уважаемый Корнелий!

Ты приглашен на первый СОС делегатом от Земли с правом решительного голоса. Твое явление обязательно. В случае неявления ответственность делит вся Земля, которая будет дешифрирована сроком на 34 про-ку-ла.

Первый СОС состоится с 21 по 36 июля с. г. по адресу: 14ххХХ-5:=%ъ34.

Транспорт, сопровождение, кормление, погребение (в случае необходимости), приемлемую температуру и влажность обеспечивает Оргкомитет СОС.

Созывающий секретарь ОК СОС Г-Г.

Удалов дважды прочел приглашение, потом подошел к окну и с грустью поглядел на двор. Двор был зеленым, уютным, старуха Ложкина развешивала белье, тяжелые капли воды падали с белых простыней на траву, рыжий петух взлетел на раскрытую дверь сарая и громко хлопал крыльями, из окна Гавриловых доносилась джазовая музыка, а по голубому утреннему небу плыли розовые облака, под которыми с пронзительными криками носились стрижи. И вот этот мирный, обжитой и родной мир придется покинуть ради неизвестного СОС, ради сомнительных наслаждений и реальных опасностей космического путешествия.

— Придется ехать, — сказал Удалов, отворачиваясь от окна и с нежностью глядя на Ксению, которая собирала на стол завтрак. — Какое сегодня число?

— Восемнадцатое, — ответила Ксения, поглядев на настенный календарь. — Куда собрался? Опять на рыбалку?

— Три дня всего осталось, — задумчиво произнес Удалов. — Не на рыбалку, а на первый СОС.

— И не мечтай, — возмутилась Ксения. — Хватит с нас. Небось опять пришельцы? Опять жертвовать своим временем и нервами ради галактической дружбы?

— Надо, Ксюша, — сказал Удалов и сел за стол.

Позавтракав, он пошел к Николаю Белосельскому.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
в которой Удалов
беседует с Николаем
Белосельским
и выслушивает возражения

Николай Белосельский учился в одном классе с Корнелием Удаловым. Окончив школу с золотой медалью, уехал в область, где с отличием завершил высшее образование, а затем, заслужив уважение своими способностями и любовью к работе, был направлен в родной город на руководящий пост.

Белосельский возвращался в Великий Гусляр с большой неохотой. Он был человеком принципиальным, серьезным и объективным, а потому предчувствовал неизбежность конфликтов. Живое воображение подсказывало ему, что при известии о его скором приезде многие жители города начнут говорить: «Как же, помню Кольку Белосельского! Я с ним в детском саду баловался». Или: «Колечка? Белосельский? Близкий человек! Моя двоюродная сестра Леокадия была замужем за его дядей Костей». Беда небольшого города в том, что все всех знают.

Предчувствия Белосельского оправдались. На улицах к нему подходили незнакомые люди, напоминали об общем счастливом детстве, а затем приглашали в гости или просили протекции. В кабинет проникали троюродные бабушки, желавшие улучшить жилищные условия, и приятельницы по пионерскому лагерю, главшие о непогасшей любви.

Белосельский стал нелюдим, избегал людей, страхась неожиданного крика: «Колька, друг!» — был строг к родственникам и похудел. Он мечтал о переводе в далекий Петропавловск-Камчатский. Но своей принципиальности он не изменил.

Удалов знал о драме Белосельского и поэтому, хоть и сидел с ним шесть лет за одной партией и совместно владел голубятней, ни разу не зашел к нему домой, а встречаясь на совещаниях, сдержанно здоровался, избегая прямого обращения. Белосельский тосковал по старой дружбе и рад был как-нибудь посидеть с

Удаловым, вспомнить далекое детство, но сдерживался. Борьба с фаворитизмом не должна знать исключений.

Удалов вошел в кабинет Белосельского и с порога сказал:

— Доброе утро. Я по делу.

— Здравствуй, Корнелий, — ответил Белосельский. При виде Удалова взгляд его смягчился, и ему захотелось сказать бывшему другу что-нибудь теплое. — Погода хорошая в этом году. Радует нас июль.

— Да, жарко, — согласился Удалов.

— Ты садись. Как в стройконторе дела? План сделаете?

— Постараемся, — сдержанно пообещал Удалов, сел и вытащил из кармана приглашение.

— Когда в отпуск? — спросил Белосельский.

— Уж и не знаю. Собирался в августе, да вот... Надо посоветоваться.

Он ладонью перегнал по столу к Белосельскому приглашение и стал ждать.

Белосельский внимательно прочел письмо, кинул на Удалова быстрый взгляд, затем вынул из деревянного высокого стакана хорошо заточенный карандаш и стал читать письмо вновь, помечая галочками ошибки и ставя в непонятных местах на полях вопросительные знаки. Удалов глядел в окно, за которым ворковали голуби, и мечтал о рыбалке.

Дочитав письмо вторично, Белосельский задумался, не поднимая глаз. В письме таилась каверза. Не стоило распускаться и радоваться при виде Удалова. Ведь он друг детства и потому вдвойне опасен. Недаром он все эти месяцы держался на расстоянии и проявлял тактичность. И ты, Брут, расстроился Белосельский. Уж лучше бы попросил новую квартиру. Думая так, он нечаянно встретился взглядом с чистыми голубыми глазами Удалова, увидел его гладкий выпуклый лобик, полные розовые щеки, курчавую поросль вокруг ранней лысины и неожиданно для себя спросил:

— СОС — это что такое?

— Ума не приложу, — честно признался Удалов.

— Ясно, — сказал Белосельский. Потом добавил: — Как известно, в июле тридцать один день.

— У них, видно, система отсчета другая, — сказал Удалов. — Так может, не стоит ехать?

— Не стоит, — согласился Белосельский.

— И жена будет рада. Недовольна она моими космическими связями. Ревнует.

— О семье тоже подумать надо, — сказал Белосельский. — О семье мы зачастую забываем.

— Значит, решили? Мне же посоветоваться надо было. А с кем посоветуешься по такому вопросу? Я пошел? А то в контору опоздаю.

— Иди. Работай спокойно.

— Спокойно не получится, — возразил Удалов. — Спокойно нельзя, потому что буду тревожиться за судьбу Земли.

— А что такое?

— Дешифрировкой грозят. На тридцать четыре прокы-лы.

— Про-ку-ла, — поправил Белосельский, заглянув в приглашение. — Чепуха какая-то.

— Конечно чепуха, — согласился Удалов. — Может, обойдется.

Белосельский подчеркнул слово «дешифрирована» красным карандашом.

— В словарь иностранных слов заглядывал? — спросил он.

— Там нету. У них своя терминология.

Белосельский посмотрел в окно. Ворковали голуби, облака сгустились, в отдалении гремел гром. Белосельскому очень хотелось уехать в Петропавловск на далекую Камчатку, где нет друзей детства.

— Значит, игнорируем? — переспросил Удалов. Он стоял посреди кабинета, переминался с ноги на ногу. Ему было не по себе, что он поставил Колю Белосельского в неловкое положение.

— А если это не шутка? Нам бы ясность.

— Откуда ей быть?

— А как ты планировал туда ехать? Адрес неразборчивый.

— Для них понятно. Для них это все равно что для нас Малые Кочки.

Друзья детства немного помолчали. Удалов подумал, что, если удастся отделаться от СОС, надо будет позвать Колю на рыбалку.

— Если приедут, — решил Удалов, — я им скажу, что заболел. Или теща заболела. Дипломатично, и никто не в обиде.

— Это разумно, — согласился Белосельский. Он понял, что Удалов искренен и прост. — Так и скажешь.

— А это... насчет рыбалки. — Но завершить приглашение Удалов не успел.

Посреди кабинета, как раз между Удаловым и столом Белосельского, возник человек в черном трико. В облике его было что-то неземное.

— Простите, — сказал человек быстро, с легким инопланетным акцентом. — Я из СОС. Ищу Удалова Корнелия. Корабль на орбите. В чем задержка?

— Я не еду, — быстро произнес Удалов. — Я заболел.

— Поедешь, — просто ответил человек в трико. — Надо, Корнелий.

— Погодите, — вмешался в разговор Белосельский. — Во-первых, это мой кабинет.

— При чем здесь кабинет? — удивился человек в трико. — Я должен доставить Удалова на первый СОС, а у нас пересадка на Альдебаране. Времени в обрез.

И посланец СОС властно положил руку на плечо Удалову.

Удалов метнул отчаянный взгляд на Белосельского. Что еще придумать?

— Может быть, произошла ошибка? — спросил Белосельский. — Может быть, вы ищете другого Удалова?

— Именно этого, — сказал посланец. — Он уже вычислен и по всем параметрам подходит для СОС.

— Так хоть скажите, кто такой этот СОС! — взмолился Удалов, пытаясь высвободить свое мягкое плечо от железной хватки человека в трико.

— Съезд Обыкновенных Существ.

— Я недостоин!

— Правильно, — поддержал Удалова Белосельский. — Почему представлять Землю на международном форуме должен именно Корнелий Иванович? Мы могли бы порекомендовать вам более достойных представителей. Например, инженера Сидорова. Общественник, спортсмен, рационализатор, выдающийся человек.

— Правильно! Сидорова! — крикнул Удалов.

— Нам не нужен Сидоров, — сказал посланец. — Нам нужен Удалов.

— Странно, — сказал Белосельский, и в этот момент зазвонил телефон.

Белосельский взял трубку, не согнав хмурой складки со лба. А Удалов, воспользовавшись паузой, спросил посланца:

— Домой за вещами можно зайти?

Удалов уже понял, что от СОС ему не отвертеться.

— Некогда. — Посланец подхватил Удалова за пояс и сильно повлек вверх, к потолку.

Последнее, что Удалов увидел в кабинете Коли Белосельского, было запрокинутое кверху встревоженное лицо старого друга. Лицо пропало, и через секунду Удалов, подлетая к небольшому летающему блюдцу, уже смотрел на Великий Гусляр с высоты километра.

А Белосельский, проводив глазами Удалова, произнес в телефонную трубку:

— Повторите, что вы сказали?

— Не пускайте Удалова на СОС, — ответил странного тембра далекий голос с инопланетным акцентом. — Это может трагически кончиться для Земли.

— Кто вы?

— Доброжелатель.

— Удалов уже улетел, — сообщил Белосельский. — Назовите свое имя и причины, по которым вы не желаете присутствия Корнелия Ивановича на международном съезде.

— Жаль, что упустили, — ответил инопланетный голос. — Пеняйте на себя.

В трубке что-то щелкнуло, и затем женский голос извещал:

— Разговор с омегой Дракона закончен. Три минуты.

Белосельский сказал: «Спасибо» — и медленно положил трубку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Удалов совершает пересадку на Альдебаране

Космический корабль набрал скорость. Земля скрылась из глаз, и Солнце превратилось в незначительную желтую звезду. За иллюминатором клубились туманности. Удалов отошел от окна и похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли документы. Посланец поставил корабль на автопилот и обратился к Удалову:

— Повезло. Успели.

— А что? — спросил Удалов.

— Могли задержать. Что-то твоя, Удалов, скромная персона вызывает повышенный интерес в определенных кругах.

— Вот это лишнее, — сказал Удалов. — Я к вам на СОС не напрашивался, лечу из чувства долга. В любой момент согласен вернуться. Тем более что на Земле миллионы более достойных.

— Может быть, — согласился посланец, — достойных миллионы, а Удалов один.

— Ну что ж, — не стал спорить Удалов, — будем считать, что мне повезло. Увижу новых братьев по разуму.

— Садись, перекуси, — уклончиво ответил посланец. — На Альдебаране буфет паршивый.

Они пообедали и начали торможение перед Альдебараном.

Любознательный Удалов был потрясен зрелищем космопорта на Альдебаране. В громадных залах гуляли, сидели, отдыхали, парили, висели вниз головами, спорили, ожидали, стояли в очередях за билетами, питались в буфете десятки тысяч альдебаранцев, сирианцев, дескасийцев, тори-тори, пруллей, кофкриавфеев, 45/67-цев, молчаливых испужников, вегиан, плетчиков, моссадеров, антропоидных локов, пор-ников, апрет-тт-воинейцев и многих других, имен которых Удалов не запомнил. И ни одного обитателя Солнечной системы.

Посланец быстро провел обалдевшего от разнообразия разумной жизни Удалова сквозь толпу,

протолкнул его в узкую дверь с непонятной надписью и сказал:

— Жди здесь. Рекомендую не покидать помещения. Иначе пеняй на себя. А я билеты закомпостирую.

Посланец удалился, а Корнелий Иванович осмотрел помещение. По здешним меркам оно было невелико, от изящного фонтана распространялся мускусный аромат, вокруг стояли мягкие кресла. Большинство кресел пустовало. В остальных скучали существа в странных одеждах.

Удалов прошел к свободному креслу и сел. Он старался вести себя так, словно космические путешествия ему не в диковинку. В общем, это так и было, хотя Удалов уже три года не попадал в дальний космос, а на великом пересадочном вокзале Альдебарана оказался впервые.

Остальные обитатели кресел кинули в сторону Удалова равнодушные взгляды и вернулись к своим занятиям. Было тихо. Порой динамик под потолком начинал урчать на чужих языках, видимо объявляя посадку. Удалов подумал: как там Ксения, наверное, волнуется? Послать бы ей телеграмму, да разве здесь отыщешь телеграф? На всякий случай он обратился к своему соседу, который снизу и до плеч был схож с человеком, но книжку, которую он читал, держал в цепких щупальцах, склонив к странице изысканную пернатую голову с клювом вместо носа.

— Простите, — сказал Удалов. — Вы не знаете, здесь телеграммы на Землю принимают?

Существо отложило книжку, склонило голову набок и сказало:

— Чир-чрик-чири-пипити.

— Простите?

— Не обращайтесь внимания, — послышался голос с другой стороны. — Он по-русски не понимает.

Удалов с чувством облегчения повернулся в сторону голоса и увидел подтянутого, стройного и хорошо одетого кузнечика метрового роста.

— А вы понимаете?

— Я понимаю, — сказал кузнечик. — Я синхронный переводчик. Лечу на первый СОС.

— И много языков знаете? — спросил Удалов.

— Трудно сказать, не считал, — ответил кузнечик. — А вы, судя по нерешительности манер, провинциальному

виду и глуповатому лицу, из города Великий Гусляр?

— Угадали! — обрадовался Удалов. Он даже пропустил мимо ушей нелестные высказывания кузнечика. — Откуда вы про мой город знаете?

— И зовут вас Корнелий Иванович, — добавил кузнечик. — Не отказывайтесь. Очень приятно. Я проглядывал списки делегатов, а у меня феноменальная память. Так что пойдём, отправим телеграмму вашей супруге Ксении?

— А на корабль не опоздаем? — встревожился вдруг Удалов.

— Задержат, — ответил кузнечик. — Без нас не полетят. Я забыл представиться. Меня зовут Тори, с планеты Тори-Тори, из города Тори, с улицы имени Тори.

— Столько совпадений сразу? — осторожно спросил Удалов, который понимал, что в Галактике что ни планета — свои обычаи и порой невежливым вопросом можно нанести смертельное оскорбление или даже вызвать войну.

— Нет, — ответил синхронный переводчик. — У нас все Тори, и все города Тори, и все улицы имени Тори.

— А не пугаете?

— Наоборот. Просто. Не спутаешь.

— Это верно, — согласился Удалов. — Так где же телеграф?

Кузнечик быстро вскочил с кресла, потянул Удалова острым коготком к двери, затем завел за угол, и они оказались в низком белом помещении, у стены которого были установлены рукомошники различного размера, формы и высоты.

— Здесь мы можем говорить спокойно. Никто не подслушивает, — прошептал кузнечик Тори. — У тебя есть что на продажу?

— Не понял, — сказал Удалов. — Я на телеграф хочу.

— Нет здесь связи с Землей. Я тебя серьёзно спрашиваю. Что везешь? Драгоценности? Сувениры?

— Ты меня удивляешь, — произнес Удалов. — Откуда у меня драгоценности? Я сюда так спешил, даже домой зайти не успел, плаща не взял.

— Жаль, — огорчился кузнечик.

— Странно, — вздохнул Удалов, наблюдая, как какой-то транзитник моет свои семь лап. — Ты языки знаешь,

наверное, зарабатываешь неплохо. А решил спекуляцией заняться.

— Я авантюрист, — сказал кузнечик просто. — Ничего не поделаешь. А мои языковые способности на конференции никому не нужны. Тебе знание всех языков вместе с мандатом выдадут.

— Так ты говоришь, нет здесь телеграфа?

— Откуда ему быть? Кто отсюда шлет телеграммы на Землю? Наивный ты, Удалов.

— Нет, — сказал Удалов. — Я доверчивый.

В этот момент динамик, который висел у них над головами, прервал лopotание на неземном языке и заговорил по-русски:

— Удалов Корнелий Иванович, вас ждут у статуи Государственного колена в центре восьмого зала. Повторяю, делегата первого СОС Удалова Корнелия Ивановича ожидают в центре восьмого зала у статуи Государственного колена.

— Вот видишь, — сказал Удалов кузнечику. — А ты говорил.

— погоди, — встревожился кузнечик. — Один не ходи.

— Так пойдем вместе, — предложил Удалов.

Через две минуты Удалов и Тори стояли возле внушительного бронзового памятника Государственному колону. Удалов огляделся. Вокруг все так же кипела толпа. «Кто бы это мог быть? — думал Удалов. — Неужели Коля Белосельский прилетел?»

— Корнелий! — раздался рядом девичий голос.

К Удалову спешила девушка ослепительной красоты и редкого обаяния, одетая легко, в серебристый купальный костюм. При виде Корнелия девушка широко раскрыла голубые глаза и лукаво улыбнулась, показав множество жемчужных зубов в обрамлении полных розовых губ.

— Осторожно, Корнелий! — предостерег кузнечик.

— Я понимаю, — согласился Корнелий, не в силах отвести взгляда от красавицы.

— Я счастлива, — сказала девушка, тонкими пальцами дотрагиваясь до руки Удалова. — Я мечтала встретиться с тобой. Пошли. Наш уютный летающий рай ждет у второго причала. Мы проведем с тобой отпуск у журчащего ручья возлюбленных, под сенью бананов забвения. Идем, мой кролик!

И Удалов, ровным счетом ничего не понимая и ни о чем не думая, покорно последовал за красавицей. И может быть, дошел бы с ней до второго причала и добрался бы до бананов забвения, если бы его не перехватила жесткая рука посланца в черном трико.

— Делегат Земли, — произнес посланец твердо, — вы забываетесь.

— Он мой, — сказала красавица нежно. — Ты мой, подтверди.

— Я твой, — кивнул Удалов.

Кузнечик бросился вперед и вклинился между Удаловым и красавицей.

— Удалов! — сказал он, оглядываясь на посланца. — С нашей точки зрения эта особь не представляет интереса. Возможно, она синтетическая...

— Не верь им, Корнелий, — возразила красавица, — сами они синтетические.

Посланец подхватил сопротивляющегося Корнелия под руки и быстро повлек за собой. Удалов рванулся из рук посланца, красавица громко рыдала и зывала к Удалову.

— С первого взгляда! — кричала она. — Я полюбила. На всю жизнь. Я не перенесу разлуки!

— Я тоже! — ответил Удалов.

Транзитные пассажиры с любопытством смотрели на эту сцену, полагая, что наблюдают чей-то национальный обычай.

Через десять минут кузнечик с посланцем посадили потерявшего от любви рассудок Удалова в космический корабль и привязали его к креслу, а Удалов все еще не мог прийти в себя и повторял:

— С первого взгляда... с первого взгляда и на всю жизнь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Удалов прилетает на место проведения первого СОС

Вскоре после взлета посланец дал Удалову таблетку, и Корнелий заснул. Когда он проснулся, корабль уже подлетал к планете 14xxXX-5:%=ъ34, где проводился СОС. Голова болела, конечности дрожали. Удалов видел перед собой прекрасные голубые глаза, но эти глаза были подернуты дымкой прошлого. Он услышал, как рядом тихо разговаривают его спутники, но ни слова не понял, кроме знакомой фамилии — Удалов. С трудом Корнелий вспомнил, что это его фамилия.

— Вам лучше? — спросил синхронный кузнечик. — Припадок любви миновал?

— Плохо, — ответил Удалов. — В жизни со мной такого не случалось, с десятого класса средней школы.

— И как в десятом классе? — спросил синхронный кузнечик. — Обошлось?

— Я уж не помню деталей, — сказал Удалов. — Но было нелегко.

Кузнечик задумался, приставив коготок ко лбу, а сопровождающий посланец сказал:

— Нам это не нравится. Слишком пристальное к тебе, Удалов, внимание.

— И то правда, — согласился Удалов. — Она же меня по имени знала. Может, фотографию где-нибудь видела?

— Ты что, думаешь, она тебя на фотографии увидела, влюбилась и начала за тобой по космосу гоняться?

— Но ведь бывает, — сказал робко Удалов. Ему хотелось верить в любовь.

— А скажи, Корнелий, — спросил посланец. — Ты по земным меркам красавец? Герой? Любимец женщин?

— Пожалуй, так не скажешь, — признался Удалов. — Я скорее обыкновенный.

— Так и должно быть. Иначе бы тебя на СОС не отобрали. А лицо той женщины тебе знакомо?

— Нет. Только если в мечтах...

— Тем более это меня тревожит, — заключил посланец.

И тут корабль начал тормозить, а за иллюминатором появилась частично покрытая облаками планета.

Корабль с Альдебарана пристал к спутнику медицинского контроля. Когда Удалов вслед за кузнечиком и посланцем сошел с корабля, он оказался в длинном белом зале, где его и других пассажиров поджидали медики в халатах и масках. Медики поделили между собой пассажиров и принялись их обследовать.

Удалов достался солидной женщине, которая приказала ему раздеться, а потом напустила на свою жертву с десятков шустрых механизмов, которые опутали Удалова проводами, искололи иглами, промыли желудок, сделали рентген — и это за какие-то две минуты. Исследуясь, Удалов не терял присущей ему любознательности и наблюдал, как обрабатывают остальных пассажиров. В сплетении проводов и иголок поблескивал желтый живот кузнечика, а у посланца под черным трико оказались смятые розовые перья.

Механизмы, завершая работу, извлекали из себя длинные листочки желтой бумаги и передавали их врачихе. Врачиха читала их и накалывала на штырь, к которому уже была прикреплена неизвестно когда сделанная цветная и малопохожая фотография Корнелия Ивановича.

Врачиха взглянула на очередной бумажный листочек, громко присвистнула и сказала:

— Ну и дела!

Удалов встревожился.

Врачиха нажала на кнопку в подлокотнике кресла и отъехала от Удалова метров на пять.

Кузнечик и посланец уже спокойно одевались. Видно, для них осмотр закончился благополучно.

Врачиха свистнула погромче, и рядом с ее креслом появились еще два врача. Все трое начали внимательно изучать листочки, пересвистываясь и бросая на Удалова укоризненные взгляды.

— Тори, — позвал Удалов. — Чего они у меня нашли?

Кузнечик, застегивая свой элегантный костюм, подошел поближе и свистнул врачам на их языке. Врачи в ответ высвистели целую песню, а механизмы с новой силой принялись вертеть, колотить и мять Удалова.

— Ты учти, — предупредил Удалов, — я долго не выдержу. Они меня терзают.

— Потерпи, — сказал кузнечик. — Плохо твое дело.

Удалов так испугался, что закрыл глаза. Этого делать не следовало, потому что перед его внутренним взором сразу возникла прекрасная незнакомка и начала любовно вздыхать.

Удалов задрожал и тут услышал голос посланца:

— Корнелий, слушай меня внимательно. Тебе придется пройти дезинфекцию. Ясно?

— Ничего не ясно. — Удалов раскрыл глаза, увидел, что врачи смотрят на него строго и опасно. — В чем дело?

— А в том, что ты прибыл с отсталой планеты, на которой масса микробов и вирусов. Среди них абсолютно неизвестные галактической науке и, возможно, опасные для окружающих.

— Может, домой отпустите? — спросил Удалов.

Но голос его прозвучал неискренне. И не потому, что ему хотелось заседать на СОС, а потому, что в нем жила надежда еще раз встретиться с прекрасной незнакомкой. Он понимал всю губительность такого намерения, но его душа жаждала встречи и страдала.

— Домой возвращаться поздно, — сказал посланец. — По вашим, земным, варварским, меркам ты здоров. По нашим же ты — заповедник заразы.

— Что делать, — лицемерно вздохнул Удалов. — Такие уж мы уродились.

Больше он ничего не сказал, потому что сверху на него опустился металлический колпак, и в полной тьме Удалову показалось, что его разбирают на части. Так оно и было. И пока карантинный контроль не промыл каждую клетку его тела, Удалова как личности не существовало. Затем его собрали вновь, к счастью, точно таким, как прежде, вернули костюм и прочую одежду. Одежда воняла карболкой, а ботинки сделались жесткими. Внутри тела все чесалось. Жизнь стала такой некомфортабельной, что Удалов забыл о красавице.

Посланец повел Удалова к выходу из зала, а врачи смотрели им вслед и громко пересвистывались.

— Они такого в своей практике не видали, — перевел кузнечик.

За первым залом поджидала вторая проверка. Удалова измерили, сверили с фотографией в паспорте. Тут он не выдержал и сказал:

— Вижу, что здесь у вас неладно. Чего-то опасаетесь, кого-то боитесь. Поделитесь со мной опасениями.

— Не могу, — ответил посланец. — Не имею полномочий. Всё в свое время.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Удалов прибывает на СОС и старается обжиться на новом месте

До гостиницы доехали быстро, в основном туннелями, так что Корнелию не удалось полюбоваться местной архитектурой.

В холле гостиницы, украшенном множеством флагов и лозунгов на неизвестных языках, посланец подвел Удалова к длинной стойке, передал его милой пожилой даме с тремя глазами и в очках. Потом вежливо, но без душевности, распрощался.

Дама близоруко водила носом по спискам делегатов, наконец отыскала его фамилию.

— Удалов, — сказала она, — Корнелий Иванович. Место обитания — Земля. Возраст средний, социальное положение среднее, достаток средний. Я правильно излагаю?

— Не спорю, — согласился Удалов.

В гулком холле звучали, переплетались голоса, различного вида существа собирались небольшими группами, общались между собой, порой пробегали организаторы разных рангов, а роботы-официанты разносили подносы с жидкостями в бокалах.

— Так, — продолжала пожилая дама. — Вы двуногий, кислорододышащий, размер средний, температура средняя. Вот вам ключ от комнаты триста два двенадцать. Лифт на тридцатый этаж, северное крыло по коридору вправо. Теперь держите мандат и папку. Проверьте, всё ли на месте.

Старушка передала Удалову папку делегата. Папка была черной, пластиковой, с тиснением, а в ней нашлись следующие вещи:

1. Блокнот, авторучка, которая, как вскоре догадался Удалов, меняла цвет чернил в зависимости от настроения владельца, ластик, стирающий не только написанное, но и память о нем.
2. Таблетки, они же талоны на питание в столовой для кислорододышащих. В случае нужды их можно было

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru